Л. К. Гиляровъ.

НОВѢЙШІЯ ПОПЫТКИ ФИЛОСОФСКАГО СИНТЕЗА

на

НАУЧНОЙ ПОЧВѢ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акціон. О-ва печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1901 г.

4044
29

Новѣйшія попытки философскаго синтеза на научной почвѣ.

Ribert, Essai d'une philosophie nouvelle, suggérée par la science. Paris, 1898.

Hannequin, Essai critique sur l'hypothèse des atomes dans la science contemporaine, 2-e éd. Paris, 1898.

Reinke, Die Welt als That, Umrisse einer Weltansicht auf naturwissenschaftlicher Grundlage. Berlin, 1899.

Wagner, Grundprobleme der Naturwissenschaft. Briefe eines unmodernen Naturforschers. Berlin, 1897.

Der ewige, allgegenwärtige und allvollkommene Stoff, der einzige mögliche Urgrund alles Seyns und Daseyns. Von einem freien Wandersmann durch die Gebiete menschlichen Wissens, Denkens und Forschens. Leipzig, 1895.

Заглавіе перваго изъ названныхъ трудовъ „Опытъ новой философіи, внушенной наукой“, объясняется, по словамъ автора, новизной духа этой философіи, ея существа, ея плана и ея формы. „Ея духъ—живое чувство могущества, недавно проявленнаго разумомъ во всѣхъ отрасляхъ знанія; ея существо—ткань изъ философскихъ внушеній, идущихъ отъ наукъ философскихъ, естественныхъ и нравственныхъ: ея планъ такой, какой подсказывается необходимыми для всякаго крупнаго предположенія подготовкой и контролемъ; по формѣ она—общедоступный трудъ“.

Цѣль „Опыта“ вывести философію изъ униженнаго положенія, въ которомъ она теперь находится. Она теперь „пользуется весьма слабымъ кредитомъ; передъ значительной частью мыслящаго общества она стоитъ съ склоненной головой по указу научной критики, считающей своимъ призваніемъ разоблачать порокъ самаго ея жизненнаго строя“.

А между тѣмъ поднять значеніе философіи стало тѣмъ важнѣе, что съ концомъ девятнадцатаго вѣка мысль потеряла спокойствіе, сдѣлавшееся, повидимому, ея естественнымъ состояніемъ. Съ нѣкотораго времени въ ней обнаруживаются два теченія, которыя идутъ въ противоположномъ направленіи и не перестаютъ ее волновать, не потрясая пока въ глубинѣ. Съ одной стороны ученые, возвратившись къ естественной вѣрѣ въ разумъ подъ живымъ впечатлѣніемъ его могучихъ научныхъ обобщеній и глубоко убѣжденные (хотя этого и не говорятъ) въ томъ, что разумъ есть единственная духовная сила будущаго, принимаются философствовать и искать рѣшенія великихъ задачъ; съ другой, литераторы, встрѣчая помѣху своимъ мистическимъ стремленіямъ, громко провозглашаютъ „банкротство науки“, находятъ въ себѣ отпрыски вѣры, бросаются къ религіи и пытаются ее обновить, хотя и не знаютъ, какъ за это взяться. Такимъ образомъ, исчезаетъ тотъ молчаливый компромиссъ, котораго царство было приведено усталостью борьбы и всеобщимъ размягченіемъ характеровъ. Разумъ и вѣра на перебой отвергаютъ этотъ *modus vivendi*, этотъ способъ идти бокъ о бокъ хорошо или дурно, и скорѣе дурно, чѣмъ хорошо, какъ живутъ два несговорчивыхъ сожителя. Оба требуютъ для себя полноправія; ихъ ссора была только убаюкана; и вотъ они теперь снова начинаютъ схватку“.

Авторъ признаетъ себя сторонникомъ разума, считая его вполнѣ довлѣющимъ для построенія требуемаго современностью міропониманія.

Причина, почему философія теперь принижена и неспособна умиротворять умы, кроется въ недостаточности научнаго основанія, на которое она до сихъ поръ опиралась. Оно было въ теченіе вѣковъ слишкомъ узко, но теперь стало вмѣстѣ и широкимъ и прочнымъ и способно выдержать зданіе.

Этимъ взглядомъ на науку какъ необходимое основаніе философіи намѣчается метода „новаго опыта“. Метода эта состоитъ въ томъ, чтобы старательно собирать въ области самыхъ различныхъ наукъ высшія положенія, получившія значеніе принятыхъ истинъ и бросать изъ нихъ свѣтъ на предлежащій путь до тѣхъ поръ, пока наука не предоставитъ свободу философіи, не прекращая однако ей давать побужденія и направленія, которыя должны удалить ее съ привычныхъ для нея путей заблужденія и помочь ей проникнуть высшимъ усиліемъ до самыхъ внутреннихъ элементовъ и основныхъ отношеній.

Въ введеніи авторъ ближе опредѣляетъ отношеніе между наукой и философіей и пытается устранить возраженія, предъявляемыя критическимъ направленіемъ противъ возможности метафизики.

Если научныя знанія должны служить необходимымъ основаніемъ всякой теоріи о внутренней природѣ вещей, то это потому, что нельзя открыть принциповъ того, о чемъ имѣешь лишь весьма несовершенныя свѣдѣнія. Помимо науки тѣ идеи, которыя мы образуемъ о реальномъ мірѣ, неизбѣжно должны быть болѣе или менѣе поверхностными, неопредѣленными, зыбкими, несвязными, ошибочными. Строить теоріи о чемъ нибудь значитъ искать глубокія основанія неизвѣстнаго. Когда знаешь, какъ устроенъ міръ и какъ онъ идетъ, можно надѣяться дойти до его первыхъ причинъ: но когда обладаешь лишь его пустымъ призракомъ, какимъ образомъ претендовать на проникновеніе въ его тайну? Никакое знаніе не можетъ быть слишкомъ полнымъ тамъ, гдѣ предполагаешь изслѣдовать до дна. Столь очевидная истина не могла ускользнуть отъ творцовъ системъ; но она ихъ не останавливала, такъ какъ они считали себя вполнѣ свѣдущими въ тѣхъ вещахъ, за истолкованіе которыхъ брались. Однако, когда наука была еще въ зародышѣ, ея свѣдѣнія были либо ничтожны, либо весьма ограничены, и поэтому приходилось черпать идеи о человѣчествѣ и о природѣ изъ этого мутнаго источника.

Этотъ источникъ недостаточныхъ теоретическихъ понятій авторъ называетъ эмпиризмомъ и различаетъ три области и какъ бы три круга произведеній мысли: эмпиризмъ, науку, философію. Въ эмпиризмъ входятъ всѣ понятія, пріобрѣтаемыя рефлексіей или безъ нея повседневнымъ общеніемъ ума съ лицами и вещами; въ науку—тѣ, которыя основаны на изслѣдованіяхъ терпѣливыхъ, трудолюбивыхъ, методическихъ, направленныхъ на спеціальный, точно опредѣленный предметъ; въ философіи—тѣ, которыя бываютъ слѣдствіемъ методическихъ занятій, ставящихъ цѣлью постиженіе совокупности и основанія вещей.

Было бы ошибочнымъ думать, будто часъ великихъ синтезовъ миновалъ; напротивъ, онъ наступилъ; онъ звенитъ съ концомъ вѣка, и сама наука подаетъ здѣсь сигналъ. Своими недавними открытіями она представляетъ для метафизики міръ реальности почти совсѣмъ обнаженнымъ отъ его покрововъ; она ее приготовляетъ своими внушеніями, можно даже сказать, что она ее нѣкоторыми изъ своихъ воззрѣній начинаетъ; и „философъ, такимъ образомъ поддерживаемый,

подъемлемый, переносимый, ставимый въ самыя благопріятныя условія, единственно благопріятныя, которыя когда либо существовали, можетъ отнынѣ вступать съ нѣкоторою увѣренностью на тотъ путь, на которомъ его предшественники роковымъ образомъ должны были заблуждаться".

Однако на пути къ метафизикѣ мыслителя подстерегаетъ и останавливаетъ критицизмъ, отрицающій ея возможность. Онъ принимаетъ всѣ формы и нападаетъ на всѣ стороны, кажущіяся ему слабыми въ философскомъ пониманіи, мѣтя то въ объектъ знанія, то въ субъектъ, то въ ихъ взаимоотношеніе. Представителей этого послѣдняго направленія авторъ разсматриваетъ какъ самыхъ важныхъ противниковъ философскаго догматизма и считаетъ достаточнымъ опровергнуть только ихъ разсужденіе, а доводы остальныхъ направленій, какъ менѣе сильные, оставляетъ безъ вниманія. Но такъ какъ скептицизмъ подвергаетъ сомнѣнію естественную вѣру человѣческаго духа въ возможность обладанія истиной, то авторъ полагаетъ необходимымъ затронуть предварительно вопросъ объ основаніи достовѣрности.

Основаніе это, по Риберу, двоякое: въ области разсужденія—очевидность, въ области факта—согласіе экспериментальныхъ данныхъ.

Не всѣ однако держатся такого взгляда. Нѣкоторые (напримѣръ, Паскаль) думаютъ, что принятіе духомъ принциповъ познанія есть дѣло вѣры инстинктивнаго характера. Въ такомъ случаѣ (возражаетъ Риберъ) все затемняется, такъ какъ вѣра, инстинктъ, чувство всегда болѣе или менѣе слѣпы, и темнота, покрывающая принципы, необходимо распространяется и на слѣдствія. На дѣлѣ, аксіомы съ опредѣленіями служатъ источникомъ свѣта, а разсужденіе лишь направляетъ его лучи на тѣ предложенія, которыя сами собой не ясны.

Столь же мало основаній заподозрѣвать и убѣдительность согласія данныхъ опыта. Оно совершенно невозможно для фактовъ призрачныхъ и даетъ такое средство различать съ достовѣрностью бодрствованіе отъ сна и разумъ отъ безумія, что на этомъ вопросѣ незачѣмъ останавливаться.

Тѣмъ не менѣе, по ученію современныхъ скептиковъ, ни очевидность истинъ непосредственныхъ и доказанныхъ, ни совершенное согласіе опытныхъ данныхъ, не могутъ обезпечить обладаніе истиной.

Утверждая это, нерѣдко ограничиваются замѣчаніемъ, что человѣческій духъ прилаживаетъ впечатлѣнія отъ вещей къ своему собственному строенію, что онъ есть какъ бы кривое зеркало, искажаю-

щее предметы. Наша истина не есть истина полная и безусловная, а только относительная, чисто человѣческая. Мы не въ состояніи знать, насколько нашъ разумъ правоспособенъ въ познавательной дѣятельности; поэтому сомнѣніе господствуетъ надъ всѣми нашими знаніями.

На взглядъ Рибера, такая точка зрѣнія не естественна. Умъ необходимо принимаетъ за основаніе рядъ фактовъ или принциповъ, считаемыхъ безспорными. Чтобы подвергнуть ихъ сомнѣнію, нуженъ былъ бы доводъ особой силы, превышающей ту, которой дается наша увѣренность, такъ какъ, если бы оба довода были равносильными, то сомнѣніе имѣло бы не больше цѣны, чѣмъ увѣренность, которую оно предполагаетъ разрушить. Но гдѣ взять доводъ высшаго порядка? Не въ томъ ли самомъ разумѣ, который доставляетъ всѣ вообще данныя, могущія служить основаніемъ для заключеній? Требовать отъ разума, чтобы онъ заключалъ противъ себя самого, значитъ вращаться въ ложномъ кругу. Скептицизмъ, опирающійся на подобное основаніе, есть такая же относительная истина, какъ остальныя произведенія мысли, и долженъ быть самъ заподозрѣнъ во лжи. Это простое разсужденіе заставляетъ признать его за то, что онъ есть, то есть за мертворожденное утвержденіе, разрушающее себя самого.

Больше приходится считаться съ тѣмъ скептицизмомъ, который, допуская достовѣрность познанія относительнаго, отрицаетъ всякое знаніе безусловнаго или абсолютнаго.

Что такое абсолютное? Абсолютное есть то, чего существованіе или природа не зависятъ ни отъ какого отношенія, ни отъ какого условія, то есть то, что не опирается ни на какое постороннее основаніе, не происходитъ ни изъ какого посторонняго источника, или, выражаясь общепризнанной формулой, то, что существуетъ въ себѣ и по себѣ. Такова реальность или сущность, непознаваемая, съ точки зрѣнія скептицизма, для нашего разума.

Эта невозможность познать безусловное для скептицизма двоякая. На взглядъ однихъ, ни одна изъ нашихъ идей не выходитъ за предѣлы опыта, и такъ какъ опытъ даетъ только относительное, то понятіе объ абсолютномъ есть чисто логическій призракъ и погоня за нимъ—заблужденіе. Для другихъ абсолютное не безсмысленное слово, но въ немъ слѣдуетъ видѣть только субъективное понятіе нашего ума, не дающее никакого ручательства за существованіе соотвѣтствующаго ему объекта.

Съ точки зрѣнія перваго предположенія, мы познаемъ только отношенія и, значитъ, вещи даны намъ только въ ихъ отношеніяхъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что абсолютнаго не существуетъ? Иное дѣло не быть обязаннымъ своимъ существованіемъ никакому отношенію и иное—быть чуждымъ всякихъ отношеній. Метафизическое абсолютное неизбѣжно подразумѣваетъ то или другое отношеніе къ міру, различное у различныхъ мыслителей. И какъ существуютъ единичныя вещи, находящіяся между собою во взаимоотношеніи, точно такъ же существуетъ и абсолютное, находящееся въ отношеніи къ этимъ вещамъ.

Но какимъ образомъ дойти до такого предѣла познаванія? Нужно прежде всего помнить, что здѣсь дѣло идетъ не о предѣлѣ пространства и времени, такъ какъ если такой предѣлъ и существуетъ, то онъ слишкомъ отдаленъ, чтобы могъ быть постигнутъ, а если пространство и время безконечны, то никакого предѣла въ нихъ нѣтъ. Задача метафизики познать не начало или конецъ вещей, но ихъ основаніе. Путь къ такому основанію вполнѣ намѣченъ: нисходя отъ слоя къ слою, мы дойдемъ наконецъ до такого, на который опираются всѣ остальные. Этотъ основной слой, несомнѣнно, значительно отдаленъ отъ поверхности вещей, но все же не такъ далеко, какъ обыкновенно думаютъ.

Примѣромъ нисхожденія отъ слоя къ слою можетъ служить слѣдующій, приводимый Бертло въ письмѣ къ Ренану.

Передъ нами зажженная лампа. Почему освѣщаетъ она? Потому, что ея газообразныя и твердыя молекулы обладаютъ значительной живой силой, такъ какъ тепло есть лишь движеніе, сообщающееся эѳиру.

Какъ происходитъ въ данномъ случаѣ тепло? Вслѣдствіе сгоранія угля и водорода, то есть вслѣдствіе ихъ соединенія съ кислородомъ воздуха, такъ какъ всякое химическое соединеніе сопровождается тепломъ.

Почему химическое соединеніе есть источникъ тепла? Потому, что на него тратится часть движенія, которымъ обладаютъ свободные атомы, входящіе въ соединеніе, и что это движеніе, по существу вѣчное и мѣняющее лишь форму, вновь появляется подъ видомъ живой молекулярной силы.

Почему свободные атомы располагаютъ большимъ количествомъ движенія? Здѣсь положительная наука умолкаетъ: она удостовѣряетъ лишь какъ фактъ, что вся вообще матерія находится въ сильномъ

движеніи. На выручку приходитъ научная гипотеза. Томпсонъ, напримѣръ, выводитъ первичные атомы изъ эѳира. По этой гипотезѣ чрезвычайная подвижность атомовъ зависитъ отъ крайней напряженности той среды, изъ которой они черпаютъ свои элементы.

Почему эѳиръ находится въ состояніи крайняго напряженія? Здѣсь наука предоставляетъ слово философіи. Абсолютное, которое отъ философіи ожидается, не должно быть внѣмірнымъ; его идея есть слѣдствіе наиболѣе широкой и наиболѣе углубленной разработки экспериментальныхъ данныхъ, такъ что никакая относительность опыта не можетъ служить препятствіемъ для проникновенія къ такому абсолютному.

Ученіе объ абсолютномъ какъ простомъ понятіи нашего ума основано Кантомъ. Главнымъ доводомъ для Канта служитъ то, что какъ скоро мысль пытается отнести понятіе объ абсолютномъ къ реальному предмету, она впутывается въ противорѣчія или, какъ называетъ ихъ Кантъ, въ антиноміи. Риберъ находитъ ученіе Канта неубѣдительнымъ и съ цѣлью „поколебать, если только не разрушить довѣріе“, оказываемое многими этому мыслителю, приводитъ „разительный примѣръ“ недостатковъ его методы, критикуя первую антиномію. При этомъ онъ ограничивается критикой тезиса, такъ какъ, чтобы устранить противорѣчіе, достаточно доказать неосновательность одного какого либо изъ противополагаемыхъ предложеній.

„Міръ (говоритъ въ этомъ тезисѣ Кантъ) имѣетъ начало во времени и ограниченъ въ пространствѣ“.

Доказывается это тѣмъ, что если бы міръ не имѣлъ начала во времени, то до каждаго даннаго мгновенія протекла бы безконечность и, слѣдовательно, безконечный рядъ послѣдовательныхъ состояній міра; но безконечность ряда по самой своей природѣ исключаетъ возможность его завершенія послѣдовательнымъ синтезомъ. Столь же непостижима и безконечность пространства: нашъ умъ не способенъ представить безконечность пространства ни наглядно, ни посредствомъ синтеза частей. Но у насъ нѣтъ никакого иного способа представлять безконечность. Поэтому безконечный міръ не можетъ быть представленъ, то есть не существуетъ какъ представленіе, или, что для Канта тоже, вовсе не существуетъ.

Риберъ согласенъ съ тѣмъ, что мы не можемъ представить безконечнаго міра ни наглядно, ни посредствомъ синтеза частей, но полагаетъ, что помимо этихъ двухъ способовъ существуетъ еще одинъ,

притомъ единственно истинный способъ представлять безконечное. Способъ этотъ, употребляемый математиками, состоитъ въ томъ, чтобы представить себѣ извѣстную величину и отодвигать все больше и больше ея предѣлы, пока они наконецъ не будутъ сняты мыслью вовсе. Получаемая такимъ способомъ идея несовершенна, такъ какъ отрицательна и неадэкватна; но тѣмъ не менѣе она настолько ясна, что математики вводятъ ее въ свои формулы и располагаютъ ею какъ вѣрнымъ орудіемъ.

Кантъ не могъ не знать этого способа, и именно такъ понималъ безконечность времени, пространства и рядовъ, о которой говоритъ въ своей критикѣ. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же неспособность ума постигнуть вселенную? Эта неспособность можетъ обозначать лишь одно: безсиліе нашего духа охватить всѣ части вмѣстѣ или же пробѣжать ихъ послѣдовательно. Но какимъ образомъ это безсиліе можетъ помѣшать намъ утверждать безконечность вселенной? Разумъ признаетъ, что природа способна дать гораздо больше, чѣмъ онъ можетъ обнять. Реальная безконечность имѣетъ свою тайну, но безконечность, полагаемая мыслью, не имѣетъ никакой, такъ какъ состоитъ изъ вполнѣ ясныхъ идей—изъ идеи величины и идеи устраненія предѣловъ.

Кромѣ отмѣченныхъ двухъ критическихъ направленій существуетъ еще третье, которое хотя и утверждаетъ, что дѣйствительность не можетъ быть нами разоблачена во всей ея наготѣ, какъ она существуетъ сама по себѣ, и что природа идетъ путемъ, отличнымъ отъ того, который намѣчается нашими научными формулами, но что тѣмъ не менѣе между формами дѣйствительности и формами познанія существуетъ нѣкоторое соотвѣтствіе, такъ что наши научныя познанія можно разсматривать какъ символы дѣйствительности.

По Риберу, не все въ нашемъ знаніи есть символъ: нѣкоторыя свойства бытія, напримѣръ, различіе, сходство, число, сочетаніе, порядокъ, нами постигаются такъ, какъ они существуютъ въ реальности.

Во всякомъ случаѣ (говоритъ онъ) нельзя смѣшивать познанія абсолютнаго съ утвержденіемъ его бытія: мы можемъ не знать, каково абсолютное, но утверждать его бытіе вынуждены.

Подготовивъ, такимъ образомъ, почву для возведенія „новаго“ философскаго зданія, Риберъ приступаетъ къ его постройкѣ. Зданіе это многоэтажное.

Во „вступленіи“, служащемъ фундаментомъ, излагается, по принципамъ современной астрономіи, „космологическое опредѣленіе все-

ленной", какъ того великаго цѣлаго, которое подлежитъ философскому познанію и истолкованію, и намѣчаются основные метафизическіе вопросы, для отвѣта на которые это познаніе и истолкованіе предпринимается.

Вопросы эти, заимствованные авторомъ у Фулье, слѣдующіе:

1. Довлѣетъ или не довлѣетъ себѣ зримая природа; существуетъ ли первый принципъ, откуда все происходитъ, долженъ ли этотъ принципъ быть понимаемъ въ терминахъ матеріи или въ терминахъ сознанія, или же онъ совершенно неопредѣлимъ.

2. Ограниченъ или неограниченъ міръ въ пространствѣ, имѣетъ или не имѣетъ начало во времени, и не теряютъ ли самыя идеи начала и конца смыслъ въ примѣненіи ко вселенной

3. Существуетъ ли въ мірѣ только необходимость, или же въ немъ есть мѣсто и для случайности, для нѣкоторой гибкости всеобщаго детерминизма.

4. Способенъ ли міръ къ прогрессу, или же онъ совершаетъ вѣчный круговоротъ, подобно колесу Иксіона.

5. Какова наша истинная природа, наше происхожденіе, наша судьба.

6. Есть ли наша нравственность чисто человѣческій законъ, или же она сверхъ того опирается на какое нибудь глубокое стремленіе всей природы.

7. Имѣетъ ли всеобщее движеніе смыслъ или цѣль; хороша или дурна вселенная, или же она безразлична для тѣхъ преходящихъ явленій, которыя мы называемъ добромъ и зломъ, но которыя, быть можетъ, простые всплески волнъ на равнодушномъ ко всему океанѣ.

Первая глава излагаетъ космогонію, „туманно-кольчатое происхожденіе нашей системы"; вторая—небесную механику, ставя на видъ „соотвѣтствіе между реальнымъ и раціональнымъ", то есть близкое соотвѣтствіе между реальными и вычисленными орбитами; третья—геологію, исторію земли до появленія на ней живыхъ существъ; четвертая—ученіе о теплѣ съ точки зрѣнія закона о сохраненіи энергіи; пятая—ученіе о химическомъ сродствѣ, о молекулярныхъ группировкахъ и ритмахъ; шестая—о свѣтѣ и электричествѣ; седьмая—посвящена общей механикѣ; восьмая—содержитъ палеонтологію, постепенное развитіе растительнаго и животнаго царства; девятая—ученіе о жизни и организмѣ съ точки зрѣнія ученія о развитіи; десятая—знакомитъ съ начатками душевной жизни у живот-

ныхъ; одиннадцатая—съ дикимъ человѣкомъ; двѣнадцатая—съ варварской эпохой; тринадцатая—съ греческой культурой; четырнадцатая—съ римской культурой; пятнадцатая—съ первоначальной христіанской культурой; семнадцатая—съ средними вѣками и возрожденіемъ.

Этимъ заканчивается фактическая часть. Въ послѣдующихъ главахъ Риберъ возвращается къ теоріи. Въ восемнадцатой главѣ онъ дѣлаетъ „психическіе выводы объ отношеніи между тѣлеснымъ и духовнымъ міромъ". Между нервными и духовными процессами существуетъ тѣсная связь; ощущеніе необходимо предполагаетъ нервный процессъ, оно есть его откликъ, транспозиція, переводъ, превращеніе; тѣмъ не менѣе ощущеніе совершенно отлично отъ молекулярныхъ измѣненій въ нервной системѣ и не можетъ быть изъ нихъ выведено.

Девятнадцатая глава выясняетъ основные двигатели прогресса. Двигателей этихъ пять: 1) экономическая энергія, такъ какъ досугъ, необходимый для пробужденія мысли, возможенъ лишь при экономическомъ избыткѣ; 2) любовь къ свободѣ, такъ какъ, по свидѣтельству исторіи, одна только свобода плодовита въ дѣлѣ прогресса; 3) научная любознательность, такъ какъ только она одна служитъ источникомъ того свѣта, который, разгоняя обманчивые призраки, даетъ намъ увѣренность на жизненномъ пути; 4) живое чувство красоты, такъ какъ при отсутствіи идеала развѣнчивается самое лучшее въ природѣ и человѣкѣ; 5) наконецъ, среди нравственныхъ стремленій, духъ справедливости, такъ какъ лишь справедливость можетъ служить твердымъ основаніемъ для мира среди разнородной человѣческой борьбы.

Двадцатая глава обсуждаетъ вопросъ о жизни во вселенной, то есть объ обитаемости планетъ. Риберъ приходитъ къ положительнымъ выводамъ и ставитъ на видъ возвышающее дѣйствіе такого ученія.

„Вселенная не есть несвязное собраніе существъ, загадочныхъ другъ для друга и въ частности для людей. Она населена человѣчествами, быть можетъ различными по формѣ; но что значитъ форма, если души тожественны? Мощные доводы заставляютъ думать, что принципы нашей мысли, столь простые, столь ясные и столь элементарные, лежатъ въ основѣ всѣхъ умовъ, и это убѣжденіе въ свою очередь укрѣпляетъ въ увѣренности, съ которой мы это утверждаемъ. Не безразлично, смотрѣть ли на проявленія разума какъ на свой-

ственныя только одной расѣ, или же какъ на свойственныя всѣмъ: въ послѣднемъ случаѣ возможно утверждать, что та истина, та красота и то благо, которымъ мы поклоняемся, не простыя земныя созданія, преходящіе идолы, измышленные человѣчествомъ, но самое благородное въ природѣ вещей, чистыя и безсмертныя сущности, словомъ, истинные боги, которыхъ признаютъ всѣ умы во вселенной".

„И на сколько возвышаются въ присутствіи звѣзднаго неба чувства тѣхъ, которые умѣютъ его созерцать и понимать! Эти огни, къ которымъ странникъ философъ устремляетъ взоръ съ палубы своего земного корабля,—онъ къ нимъ не напрасно обращается съ вопросомъ; они въ его глазахъ какъ бы сигналы незримыхъ флотовъ, которые уносятъ чрезъ пространство неизвѣстныхъ странниковъ, одаренныхъ способностями, сходными съ его, подверженныхъ подобнымъ же испытаніямъ и живущихъ одинаково съ нимъ среди горя и радости. Но онъ не останавливается на этомъ первомъ впечатлѣніи: онъ думаетъ о томъ, что привѣтъ, посылаемый во всѣ стороны лучами его собственной планеты, понимается въ другихъ мірахъ; онъ мечтаетъ о дружественныхъ мысляхъ, которыя скрещиваются съ его собственной въ лонѣ безднъ, и онъ испытываетъ спокойную радость, раздѣляя эту научную вѣру, болѣе ясную, чѣмъ свѣтъ солнцъ, и болѣе сильную, чѣмъ ихъ притяженіе, которая изъ глубинъ небесной тьмы вызываетъ легіоны духовъ, уничтожаетъ раздѣляющее ихъ пространство и ихъ призываетъ къ идеальному общенію подъ величественнымъ сводомъ храма ночи".

Главы двадцатая и двадцать первая о „системахъ" предлагаютъ критику деизма, матеріализма и пантеизма.

Деизмъ долженъ быть отвергнутъ по двумъ главнымъ причинамъ: во первыхъ, исторія міра, доступнаго наукѣ, не открываетъ никакого вмѣшательства личнаго существа; во вторыхъ въ мірѣ царитъ такая несправедливость, что единственнымъ оправданіемъ для Виновника міра должно быть то, что такого Виновника вовсе не существуетъ.

Не болѣе состоятельны и матеріализмъ и пантеизмъ. Изъ матеріи невозможно объяснить даже зачатковъ духовной жизни и тѣмъ менѣе высшихъ ея проявленій. Утверждать, что духовные процессы—слѣдствіе матеріальныхъ, значитъ не замѣчать несоотвѣтствія между слѣдствіемъ и причиной. „Пусть, напримѣръ, будетъ слѣдствіемъ озареніе научнаго ума, полетъ поэзіи или краснорѣчія, благородный

порывъ, всецѣлое завладаніе души благочестіемъ, великодушное рѣшеніе, добровольная, горячо желанная смерть за отечество, за правду, и причина—особый видъ движенія въ молекулахъ мозговой мякоти. Какая аналогія можетъ допустить, что первое есть слѣдствіе второго? Несомнѣнно, мозгъ—органъ удивительной тонкости и вибрируетъ чудесно; но во всякомъ случаѣ эти вибраціи—явленіе чисто физическое; оно никогда не можетъ само собою выйти изъ порядка физическаго, никогда не можетъ само собою возвыситься до ощущенія. Что же это такое, что превращаетъ его въ царственную ясность, въ геніальное вдохновеніе, въ глубокую симпатію, въ героическое усиліе, въ вѣру, въ любовь, въ воодушевленіе? У матеріалиста нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ. Ему кажется совершенно простымъ, что эти высшія обнаруженія сознанія, столь гармоничныя, столь могучія, столь чистыя, что ихъ часто называютъ божественными, суть лишь „другая сторона“ нѣкоторыхъ нервныхъ процессовъ; ему кажется достаточнымъ, когда онъ ихъ называетъ субъективными. На дѣлѣ, этого слишкомъ мало: изъ простого молекулярнаго движенія никогда не произойдетъ ничего подобнаго; для такихъ аккордовъ нужна душа; голоса нравственнаго инструмента слишкомъ выразительны, чтобы ихъ сила и ихъ акцентъ могли зависѣть только отъ физическихъ струнъ“

Ученіе пантеизма просто и величественно, но оно не удовлетворяетъ даже скромнымъ требованіямъ критики, такъ какъ заключаетъ въ себѣ коренное противорѣчіе: изъ единаго нельзя извлечь многое и изъ тожественнаго—различное. Къ тому же, пантеистическое міровоззрѣніе безсильно объяснить существованіе зла.

Глава двадцать вторая содержитъ „послѣднія внушенія на порогѣ образованія гипотезы“. Предыдущее изслѣдованіе уполномочиваетъ Рибера къ выводу, что изъ одного принципа невозможно объяснить всю совокупность дѣйствительности, что необходимо допустить ихъ два. „Дуализмъ слѣдуетъ реформировать, преобразовать, передѣлать; говорить же, что его слѣдуетъ устранить, какъ исчерпанный вопросъ, значитъ идти одновременно и противъ самыхъ живыхъ указаній природы и противъ теченія современной мысли, какъ оно съ очевидностью вырисовывается. И въ самомъ дѣлѣ, міръ представляетъ намъ повсюду двѣ стороны реальности, несводимыя одна къ другой. Это—если говорить только о самомъ выдающемся—атомъ и сила, органъ и функція, вещество и духъ, порядокъ и безпорядокъ, добро и зло, матерія и форма, количество и качество, единство и разно-

образіе, родъ и индивидъ и, какъ вѣнецъ всего, противоположность половъ, созданная повидимому для поученія, что дуализмъ есть существенное условіе плодовитости. „Разногласіе двухъ половъ (сказалъ Ренанъ), объединяющееся на извѣстной высотѣ въ божественное созвучіе, откуда происходитъ совершенный аккордъ творенія, есть основной законъ міра". Въ развитіи этого положенія авторъ слѣдуетъ за Ренаномъ, такъ что дальнѣйшее можно разсматривать какъ истолкованіе Ренановой мысли.

Развитію этому посвящена двадцать третья глава „метафизическія рѣшенія, обновленіе дуалистическаго воззрѣнія".

„Вселенная (говоритъ здѣсь Риберъ), разоблаченная наукой и изслѣдованная философской мыслью, можетъ быть понимаема какъ плодъ тѣснаго и неразъемлемаго единенія, глубокаго взаимнаго проникновенія и, короче, вѣчнаго супружества между повсюду присутствующей виртуальностью и безчисленнымъ множествомъ повсюду разсѣянныхъ матеріальныхъ элементовъ.

„Виртуальность, какъ показываетъ ея названіе, есть принципъ дѣятельности; съ дѣятельностью связываются свойства, функціи, способности, существенныя качества... Съ другой стороны, какъ единая и всеобщая, она есть принципъ связи, синтеза, подобія и, слѣдовательно, устойчивости, такъ какъ устойчивость есть лишь сходство послѣдовательныхъ состояній. Въ свою очередь матеріальные элементы суть принципъ косности, субстанціи, количества, и какъ множественные, принципъ раздѣленія, индивидуальности, различія и, слѣдовательно, измѣняемости, такъ какъ измѣняемость есть лишь различіе послѣдовательныхъ состояній".

Ни виртуальность, ни матеріальные элементы не суть существа въ собственномъ смыслѣ этого слова, то есть законченныя реальности, способныя независимо дѣйствовать одна на другую. И однако же они принадлежатъ къ бытію, такъ какъ всѣ существа суть слѣдствіе ихъ взаимодѣйствія. Эти принципы бытія столь же похожи на ничто, какъ летаргія похожа на смерть. Жизнь кроется подъ летаргіей; точно также всеобщая реальность готова пробудиться въ лонѣ этихъ глубоко усыпленныхъ сѣмянъ. Они ее содержатъ въ возможности. Тѣсное взаимообщеніе этихъ принциповъ полагается мыслью съ такой же необходимостью, какъ и ихъ существованіе; это общеніе— неисчерпаемый источникъ, откуда обильными потоками проливаются существа.

Изобразить первые моменты въ исторіи вселенной нельзя никакой вполнѣ обоснованной гипотезой. Здѣсь единственный путь прибѣгнуть къ вымыслу. Можно предположить, что въ началѣ безчисленное множество матеріальныхъ элементовъ и безконечная виртуальность сопри-сутствовали въ лонѣ безпредѣльности. Эти два принципа не оставались ни одного мгновенія посторонними или безразличными одинъ для другого; они непосредственно существовали другъ для друга. Однако, если можно въ ихъ взаимодѣйстіи приписать починъ какому нибудь изъ нихъ, онъ долженъ принадлежать элементамъ матеріальнымъ, какъ вслѣдствіе того, что ихъ индивидуальное различіе дѣлало ихъ болѣе отдѣленными, такъ и вслѣдствіе того, что природа виртуальности требовала побужденія. Виртуальность была глубоко затронута уже простымъ присутствіемъ каждаго матеріальнаго элемента; ея первичное опредѣленіе было отзвукомъ въ сердцѣ ея бытія отъ смуты безпредѣльныхъ зачаточныхъ существованій, и этотъ отзвукъ—глубокій корень того, что называется всеобщей чувствительностью.

Со временемъ для виртуальности стало недостаточнымъ господствовать въ потемкахъ; пружина, составляющая ея глубокую сущность, заставила ее обратиться къ себѣ самой, чтобы себя познать и продолжать свое дѣло при свѣтѣ. Въ основаніи этого новаго дѣла опять лежитъ чувствительность,—но уже не всеобщая, а взятая въ тѣсномъ смыслѣ слова, болѣе ограниченная, но за то не въ примѣръ болѣе превосходная. Начиная отсюда, взаимодѣйствіе обоихъ принциповъ становится все болѣе плодотворнымъ; одно и то же коренное отношеніе даетъ плоды значительно болѣе богатые и разнообразные; дедукція, продолжая свой ходъ, извлекаетъ міръ духа.

Міръ столь благородной природы былъ выведенъ на свѣтъ самымъ своимъ превосходствомъ. Какъ скоро онъ былъ возможенъ, онъ долженъ былъ возникнуть, такъ какъ сущность виртуальности подразумѣваетъ восхожденіе бытія и при томъ посредствомъ все болѣе и болѣе дѣятельнаго вмѣшательства этой самой сущности. Въ первой великой фазѣ существованія матеріальный принципъ явно преобладаетъ; субстанція вещей благодаря ему порабощена своей душой чертвымъ закономъ количества. Во второй фазѣ, въ растительной жизни, оба принципа находятся почти въ равновѣсіи; но начиная съ ощущенія виртуальный принципъ очевидно стремится къ главенству и его достигаетъ благодаря мысли.

Подобнымъ же образомъ авторъ „выводитъ“ нравственное и эстетическое сознаніе.

Завершеніемъ „метафизическихъ заключеній“ служатъ отвѣты на поставленные во „вступленіи“ пять метафизическихъ вопросовъ. Отвѣты эти слѣдующіе:

Зримая (то-есть, естественная) природа довлѣетъ себѣ. Никакого сверхъестественнаго принципа не существуетъ. Но основные принципы предположить необходимо: у дѣйствительности должно быть первое основаніе; безконечный рядъ основаній невозможенъ. Этотъ первый принципъ заключаетъ въ себѣ двойственность и не можетъ быть понимаемъ ни какъ матеріи, ни какъ духъ, взятые въ ихъ исключительности, такъ какъ обнимаетъ и то, и другое.

Вселенная безконечна въ пространствѣ и времени. Идеи начала и конца имѣютъ смыслъ въ примѣненіи къ части вселенной, но понятіемъ вселенной онѣ отрицаются.

Въ мірѣ господствуетъ несокрушимый детерминизмъ. Въ этомъ смыслѣ все необходимо и нѣтъ ничего безпричиннаго. Но въ условіяхъ всякаго явленія существуютъ непредвидѣнныя данныя, которыя можно назвать случайными. Свободная воля есть призракъ.

Вселенная неспособна къ прогрессу: ея безконечностью исключается возможность ея преобразованія въ цѣломъ; но ея части, слѣдовательно и тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, способны къ прогрессу.

Наша природа смѣшанная, обусловленная, какъ и все остальное, двумя принципами. Тѣмъ не менѣе человѣкъ есть единое существо. Онъ не есть умъ, обслуживаемый органами, но умъ, пробужденный организмомъ, живущій съ нимъ въ тѣсномъ общеніи и раздѣляющій его условія. Наше происхожденіе исторически примыкаетъ къ самымъ низшимъ зачаткамъ органической жизни, а метафизически должно быть отнесено по преимуществу къ принципу виртуальному, непосредственному источнику мысли, которая для своего проявленія лишь ожидаетъ достаточно приспособленной органической среды, т. е. въ данномъ случаѣ—человѣческаго мозга. Загробная жизнь „есть химера, лишенная всякаго основанія“. Мы можемъ пережить самихъ себя лишь въ нашихъ дѣтяхъ, нашихъ дѣлахъ и въ памяти, которую по себѣ оставляемъ.

Нравственность можетъ появиться только въ лонѣ человѣческаго общества (или ему подобнаго). Но она отвѣчаетъ въ то же время основному стремленію всей природы къ сохраненію, возращенію су-

щества и его продолженію среди благопріятныхъ для него условій, а въ этомъ и лежитъ корень нравственности.

Движеніе во вселенной есть движеніе всѣхъ міровъ, ее слагающихъ. Въ каждомъ мірѣ оно имѣетъ смыслъ и цѣль, которая состоитъ въ осуществленіи возможно полнаго существованія. Но вселенная, взятая въ цѣломъ, равнодушна ко всѣмъ этимъ частнымъ цѣлямъ и не имѣетъ никакой общей: она есть лишь безграничное вмѣстилище противоположныхъ вещей. Эти вещи мы можемъ считать хорошими или дурными, но самая вселенная не можетъ быть названа ни хорошей, ни дурной.

Послѣдняя, двадцать четвертая, глава „нравственныя заключенія“ есть апологія „новой философіи“. Авторъ здѣсь разъясняетъ, что происхожденіе человѣка отъ животнаго нисколько не унижаетъ нашей природы и что нѣтъ никакихъ основаній для человѣка брать себѣ въ образецъ своихъ животныхъ предковъ. Равнымъ образомъ, не даетъ „новая философія“ и опоры для пессимизма. Она, правда, въ полной мѣрѣ признаетъ жестокое господство борьбы за существованіе. Но зачѣмъ думать о томъ, что непріятно? Мудрость состоитъ въ томъ, чтобы „ограничивать горизонтъ ума и сердца“. А между тѣмъ современные писатели намѣренно останавливаются на отвратительныхъ сторонахъ дѣйствительности. Здѣсь главная причина господствующаго теперь пессимизма. Надо думать, что когда нибудь появится геніальный писатель, который выведетъ умы изъ этого настроенія и укажетъ путь къ потерянной звѣздѣ. Но такъ какъ природа скупа на подобные дары, то вѣрнѣе ожидать „плеяды писателей“ съ благороднымъ и здоровымъ духомъ, которыхъ задача состоять будетъ въ томъ, чтобы привести въ себя умы образованныхъ людей, сбившихся съ пути. Авторъ надѣется, что его книга будетъ способствовать этому дѣлу обновленія.

Предложенный здѣсь анализъ даетъ только слабое понятіе о богатствѣ и разнообразіи содержанія книги Рибера. По этимъ двумъ качествамъ она занимаетъ почетное мѣсто въ современной французской литературѣ. Но приведеннаго выше вполнѣ достаточно, чтобы судить объ ея философскомъ значеніи. Воззрѣнія Рибера совсѣмъ не новы и въ въ общемъ настолько мало обоснованы, что было бы безполезно входить въ ихъ критику. Его метафизическіе и нравственные выводы, за немногими исключеніями, не служатъ слѣдствіемъ изъ приводимыхъ имъ фактовъ и доводовъ, но пристегнуты внѣшнимъ образомъ. Въ цѣломъ

Библиотека социалистической академии

нельзя не признать, что попытка Рибера вывести философію изъ указаннаго положенія не только не можетъ способствовать этой цѣли, а наоборотъ, можетъ служить однимъ изъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ современнаго безсилія мысли.

Авторъ второго изъ названныхъ трудовъ ставитъ задачей объяснить происхожденіе атомистики изъ основныхъ свойствъ нашей познавательной дѣятельности и раскрыть въ свѣтѣ теоріи познанія, опирающейся на метафизическіе принципы, истинную природу и значеніе атома.

Основное свойство познавательной дѣятельности, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что, какъ поставилъ на видъ Декартъ, духъ вполнѣ познаетъ лишь то, что имъ самимъ создано, и поэтому стремится выразить дѣйствительность въ созданныхъ имъ терминахъ. Изъ всего, созданнаго духомъ, ничто ему не принадлежитъ столь всецѣло, какъ число. Число состоитъ изъ единицъ, а понятіе объ единицѣ не только не можетъ быть извлечено ни изъ какого опыта, всегда предполагающаго множество, но служитъ для разума единственнымъ орудіемъ, которымъ онъ подчиняетъ себѣ чувственныя и протяженныя величины. „Вполнѣ опредѣленная, какъ и порождаемыя ею числа и соединяющія ихъ между собою отношенія, единица, и только одна она, вноситъ въ лоно неопредѣленной величины опредѣленія величины конечной, считаетъ и мѣритъ, пытается въ темной и непонятной реальности все подчинить ясности нашихъ понятій, проникновенію нашего ума. Въ этомъ смыслѣ алгебра, вмѣстѣ съ ариѳметикой, изъ которой она происходитъ словно изъ живого источника, есть наука наукъ, которая обладаетъ въ своихъ уравненіяхъ средствомъ находить и воспроизводить геометрическія опредѣленія всѣхъ фигуръ и механическія опредѣленія всѣхъ движеній, которая, однимъ словомъ, обладаетъ въ комбинаціяхъ числа и количества виртуальнымъ рѣшеніемъ всѣхъ проблемъ и научной разгадкой міровой загадки“. Выразить дѣйствительность алгебраически значитъ выразить ее въ терминахъ духа. Отсюда—стремленіе ввести алгебру въ „самое сердце реальности“, представить всю дѣйствительность въ алгебраической формулѣ и, слѣдовательно, въ численныхъ отношеніяхъ. Единица удовлетворяетъ нашу познавательную дѣятельность своей абсолютной простотой и опредѣленностью; а

такъ какъ въ опытѣ мы всегда имѣемъ дѣло съ конкретными величинами, то, измѣряя ихъ числами, мы полагаемъ, что конкретная реальность должна точно такъ же состоять изъ простыхъ элементовъ, какъ числа состоятъ изъ единицъ. Здѣсь корень современной научной атомистики.

Мы познаемъ дѣйствительность въ формахъ пространства и времени. Время, разсматриваемое въ его обособленности, не служитъ объектомъ никакой науки; но опредѣленія пространства составляютъ предметъ геометріи, а неразрывная связь между пространствомъ и временемъ въ фактѣ движенія есть основаніе механики. Атомизмъ подсказанъ сначала приложеніемъ алгебры къ геометріи, затѣмъ черезъ геометрію проникъ въ механику, а чрезъ механику—въ истолкованіе всей вообще дѣйствительности, такъ какъ механика есть и наиболѣе абстрактная наука (т. е. наиболѣе созданная нашимъ духомъ), и ставитъ насъ въ своемъ объектѣ, движеніи, лицомъ къ лицу съ реальностью.

Созданная Декартомъ аналитическая геометрія есть первое завоеваніе, достигнутое числомъ въ области данной намъ дѣйствительности, поскольку пространство, хотя и есть форма нашего духа, не есть слѣдствіе его самодѣятельности. Выраженіе геометрическихъ построеній алгебраическими формулами, подчиняя пространство числу, заставляетъ въ фигурѣ предполагать соотвѣтствующій единицѣ элементъ, изъ повторенія котораго фигура складывается такъ же, какъ изъ единицы число. Аналитическая геометрія приводитъ такимъ образомъ къ дифференціальному счисленію. Дифференцировать количество—значитъ, какъ извѣстно, найти предѣлъ отношенія между безконечно малымъ приращеніемъ этого количества, предполагаемаго перемѣннымъ, и такимъ же приращеніемъ другого перемѣннаго, съ измѣненіями котораго измѣненія перваго связаны опредѣленнымъ и постояннымъ закономъ. Это отношеніе въ предѣлѣ, т. е. когда приращеніе обѣихъ перемѣнныхъ приравнивается нулю, формально принимаетъ неопредѣленный видъ; ясно, однако, что въ дѣйствительности приращенія никогда не доходятъ до нуля, такъ какъ предѣлъ есть лишь обозначеніе производной, всегда опредѣленной и, слѣдовательно, дифференціальное отношеніе есть отношеніе между реальными величинами, а не нулями; да и какимъ образомъ возможно было бы интегральное счисленіе, по своему принципу обратное дифференціальному, если бы даваемыя этимъ послѣднимъ величины, съ кото-

рыми оперируетъ интегральное счисленіе, были равны нулю? Нуль въ анализѣ имѣетъ значеніе лишь символа неопредѣленности; онъ орудіе, вмѣстѣ и весьма гибкое, такъ какъ, не придавая цѣны безконечно малому, оставляетъ неприкосновенной непрерывность линій, и весьма точное, такъ какъ, какое бы значеніе ни налагалось въ предѣлѣ на разность между состояніями перемѣнныхъ алгебраическимъ выраженіемъ производной, ошибка при отожествленіи этой разницы съ нулемъ всегда меньше всякой данной величины и потому не можетъ быть выражена никакой. Говоря иначе, безконечно малое дифференціальнаго счисленія безконечно не въ собственномъ, а переносномъ смыслѣ: оно есть конечное, которое опредѣлить у насъ нѣтъ ни средствъ, ни нужды, но которое опредѣляется тотчасъ же, какъ скоро мы полагаемъ производную функціи, этотъ истинный предѣлъ, предъ которымъ символъ исчезаетъ, принимая опредѣленный смыслъ.

Такимъ образомъ можно съ полнымъ правомъ считать дифференціалъ элементомъ геометрической фигуры, посредствомъ котораго фигура можетъ быть интегрирована, но нельзя признать его атомомъ, такъ какъ онъ не есть элементъ реальности, а лишь простое опредѣленіе пространства и, слѣдовательно, величина дѣлимая. Свой истинный характеръ замкнутаго твердаго недѣлимаго тѣла атомъ получаетъ въ механикѣ, изучающей реальный фактъ движенія и вынужденный поэтому аналитическія данныя вводить въ лоно дѣйствительности. Правда, кинематика разсматриваетъ движеніе лишь какъ перемѣщеніе точки и не выходитъ поэтому изъ круга геометрическихъ представленій; но динамика для объясненія ускоренія береть изъ реальнаго міра понятія силы и массы и такимъ образомъ ставитъ насъ на реальную почву. Опредѣляя ускореніе, какъ постоянное отношеніе между силой и массой, она вынуждена разсматривать массу какъ количество, и такъ какъ механика всецѣло коренится въ геометріи, то динамическое значеніе массы неразъемлемо связывается съ геометрическимъ, и масса становится геометрическимъ тѣломъ или объемомъ. Тѣло для механики есть по своему понятію всецѣло носитель косности; поэтому такими носителями должны быть и всѣ его части; слѣдовательно предѣломъ дѣлимости тѣла должна быть реальная величина и не можетъ быть нуль; иначе уничтожилось бы сопротивленіе, сила, движущееся тѣло и самая возможность движенія. Эти предѣльныя частицы тѣла, т. е. предѣльные носители косности

и суть атомы. Они поэтому необходимый постулатъ механики при объясненіи реальности движенія. Другой необходимый постулатъ—сила—не есть нѣчто самобытное и раздѣльно отъ массы существующее, но обнаруживается только въ движеніи и чрезъ движеніе частицъ массы. Движеніе—единственная сторона реальности, доступная математикѣ; и такъ какъ мы по свойству нашей познавательной дѣятельности стремимся постичь дѣйствительность математически, то ясно, какимъ образомъ механическое ея объясненіе, а потому и атомизмъ—служатъ главнымъ устоемъ современнаго естествовѣдѣнія.

Этотъ устой держится тѣмъ прочнѣе, что противоположныя атомистикѣ гипотезы—гипотеза міровой жидкости и гипотеза динамическихъ центровъ вовсе не пригодны для истолкованія дѣйствительности. При существованіи однородной міровой жидкости не возможно было бы движеніе, всегда предполагающее раздѣльность среды и количественную опредѣленность частей, между которыми оно распредѣляется; гипотеза динамическихъ центровъ не состоятельна потому, что жертвуетъ массой силѣ и, такимъ образомъ, рушитъ механику, зиждущуюся на прямо противоположномъ—на принесеніи силы въ жертву движущейся массѣ.

Впрочемъ, изъ того, что атомистическая гипотеза соотвѣтствуетъ потребностямъ познавательной дѣятельности и потому господствуетъ въ ряду другихъ гипотезъ, не слѣдуетъ, будто она вполнѣ состоятельна. Напротивъ, она полна рѣзкихъ противорѣчій. Физическій атомъ есть протяженная величина и въ тоже время не дѣлимъ; онъ—единство, но заключаетъ въ себѣ множество, такъ какъ эластиченъ и, слѣдовательно, предполагаетъ различіе состояній; атомовъ не можетъ быть ни безконечное множество, такъ какъ законъ сохраненія энергіи требуетъ количественной опредѣленности массы, ни конечное число, такъ какъ при безконечности пространства существованіе міра или міровъ, сложенныхъ изъ конечнаго числа атомовъ, не мыслимо безъ содѣйствія Божества, собирающаго атомы въ группы и поддерживающаго эти группы. Но всѣ эти и другіе недостатки нисколько не подрываютъ значенія атомистической гипотезы, какъ скоро станемъ разсматривать ее въ ея истинномъ свѣтѣ—не съ метафизической стороны, а съ точки зрѣнія методологической. Какъ метафизическая сущность, атомъ есть нелѣпица; но онъ сохраняетъ свое полное значеніе въ смыслѣ гносеологическомъ, какъ необходимое понятіе нашего ума, свидѣтельствующее объ его стремленіи для познанія

дѣйствительности разлагать ее на простѣйшіе неразложимые элементы.

Развитіе этихъ положеній составляетъ главное содержаніе книги. Авторъ сначала критически оцѣниваетъ принципы атомизма въ естествовѣдѣніи, главнымъ образомъ въ химіи и физикѣ, ставя на видъ несостоятельность атомистики дать объясненіе реальныхъ явленій; затѣмъ выясняетъ причины этой несостоятельности изъ основныхъ свойствъ бытія, которыя онъ истолковываетъ на почвѣ соединенія Кантовой гносеологіи съ Лейбницевой монадологіей.

Нѣтъ науки, которая служила бы такимъ наглядным поясненіемъ атомистики, какъ химія, но нѣтъ и науки, гдѣ бы атомистика была теоретически столь безплодна, какъ въ химіи. Основанія химической атомистики общеизвѣстны: законы опредѣленныхъ и кратныхъ отношеній, законы Гэй Люссака и Авогадро, законы химическихъ, кристаллографическихъ, термическихъ эквивалентовъ. Чтобы тѣла могли химически соединяться всегда только опредѣленными массами, элементы этихъ массъ необходимо должны быть разъ навсегда количественно опредѣленными; то же слѣдуетъ и изъ того, что какъ скоро вещества соединяются не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ отношеніяхъ, эти различныя отношенія всегда образуютъ рядъ кратныхъ другъ другу соизмѣримыхъ чиселъ; на то же указываетъ и фактъ, что газообразныя вещества соединяются и разлагаются въ простыхъ объемныхъ отношеніяхъ. Но ни одинъ изъ химическихъ законовъ въ отдѣльности, ни всѣ они вмѣстѣ не проливаютъ никакого свѣта на природу химическихъ атомовъ. Для химіи атомъ лишь наименьшее количество вещества, способное входить въ соединенія. Однако, и это наименьшее количество извѣстно намъ не въ абсолютномъ, а лишь въ относительномъ значеніи, къ тому же не съ безусловною точностью. За такую точность не ручается, притомъ по даннымъ принципіальнымъ, ни одно изъ главныхъ основаній при опредѣленіи атомныхъ вѣсовъ, ни законъ Авогадро, ни законъ Дюлона и Пти, ни остальные, относящіеся сюда, химическіе законы—химической, электролитической, кристаллографической эквивалентности, имѣющіе, впрочемъ, значеніе лишь подспорья. При опредѣленіи атомныхъ вѣсовъ изъ молекулярныхъ по закону Авогадро, количество атомовъ въ молекулѣ не доказывается и не можетъ быть доказано строго; атомный вѣсъ представляетъ обыкновенно наибольшую, а не наименьшую возможную его величину. Законъ Дюлона и Пти не даетъ безусловнаго

ручательства потому, что удѣльная теплота измѣняется съ температурой, что она для различныхъ элементовъ опредѣляется при различной температурѣ, но что, несмотря на это, ихъ атомная теплоемкость представляетъ колебанія, которыя не могутъ быть объяснены экспериментальными ошибками, и потому не можетъ считаться константой въ безусловномъ значеніи слова. Впрочемъ, если бы намъ и былъ извѣстенъ безусловный вѣсъ атомовъ съ безусловной точностью, то это наше знаніе нисколько не объясняло бы качественной природы вещества. Столь же мало способствовало бы оно и пониманію центральнаго факта химическихъ реакцій—химическаго сродства, до сихъ поръ остающагося загадкой. Правда, термохимія на первый взглядъ открываетъ здѣсь широкіе горизонты; но она предполагаетъ такую подвижность атомовъ въ молекулахъ, при которой устойчивое равновѣсіе послѣднихъ было бы необъяснимымъ, и такую скорость при движеніи атомовъ, которая граничитъ съ фантастичнымъ. Непосредственное обнаруженіе природы химическаго сродства въ молекулахъ столь же мало понятно, какъ и самая эта природа. Молекулы сложныхъ тѣлъ, хотя и состоятъ изъ различныхъ атомовъ, тѣмъ не менѣе представляютъ собою индивидуумы, въ которыхъ, однако же, каждый изъ элементовъ сохраняетъ свою индивидуальность. Еще менѣе, если только возможно, постижимы молекулы простыхъ тѣлъ, такъ какъ въ такихъ молекулахъ соединяются совершенно тожественные атомы, ничѣмъ качественно не отличающіеся ни другъ отъ друга, ни отъ самой молекулы. Уравненія, которыми выражаются химическія процессы, самыя несовершенныя и ничего не говорящія изъ всѣхъ, употребляемыхъ въ естествовѣдѣніи. Обозначить, напримѣръ, процессъ образованія хлористаго водорода уравненіемъ H+Cl=HCl или, точнѣе, HH+ClCl=2HCl—значитъ, очевидно, несказать ровно ничего, такъ какъ химическій процессъ состоитъ не въ простомъ сложеніи, какъ это говорятъ первыя части равенства, а въ чемъ то другомъ, для насъ совершенно неизвѣстномъ. Сверхъ того, индивидуальность молекулъ предполагаетъ для каждой изъ нихъ закономѣрное положеніе атомовъ въ пространствѣ, но это положеніе химическими уравненіями не намѣчается. Даже построенная на понятіи валентности структурная теорія обходитъ, при томъ намѣренно, этотъ вопросъ, выражая своими символами лишь положеніе атомовъ относительно другъ друга или связь между ними, а никакъ не абсолютный порядокъ ихъ въ пространствѣ. Одна только стереохимія

ставитъ главною задачей изслѣдованіе этого вопроса; но она пока только разрабатывается, и сколь ни блестящи ея въ этомъ направленіи изысканія, они не ограничиваютъ значенія только что сдѣланныхъ общихъ замѣчаній о принципахъ химической атомной теоріи. Несовершенство химическаго истолкованія явленій становится особенно наглядным, какъ скоро мы химическія формулы сопоставимъ съ физическими: физика говоритъ алгебраическимъ языкомъ и потому всякое физическое уравненіе можно, по принципамъ аналитической геометріи, представить геометрически и, слѣдовательно, въ противоположность химической разбросанности атомовъ, въ физикѣ атомы въ каждомъ данномъ случаѣ получаютъ вполнѣ опредѣленную координацію.

Причина этого, впрочемъ, не въ совершенствѣ физической атомной теоріи сравнительно съ химической, но лишь въ томъ, что физика опирается на принципы механики, чего химія въ ея настоящемъ состояніи сдѣлать не можетъ. Механическое истолкованіе природы, какъ мы уже знаемъ, необходимо предполагаетъ атомистическую гипотезу, служащую для него основаніемъ, и потому она въ физикѣ имѣетъ всѣ права на существованіе. Подробнымъ анализомъ различныхъ теорій, касающихся свѣта и притяженія—тѣхъ явленій, при объясненіи которыхъ атомистической гипотезѣ всего болѣе приходилось считаться съ противоположной ей флюидической,—авторъ доказываетъ, что эти явленія становятся понятными лишь при предположеніи раздѣльности среды, какъ это и дѣлаетъ физика своимъ ученіемъ объ эѳирѣ, и были бы совершенно непостижимы при существованіи сплошной міровой жидкости. Въ особенности мощную поддержку оказываетъ атомной теоріи математическая оптика, требующая всѣми своими данными, всѣми проблемами и заключеніями существованія различной эѳирной среды, какъ единственнаго условія, позволяющаго дать достаточно точное механическое истолкованіе законовъ и свойствъ свѣта. Но сколь ни краснорѣчивы доводы въ пользу правоспособности атомической теоріи въ физикѣ, все же эта теорія несостоятельна всѣмъ своимъ существомъ не только въ силу указанныхъ выше основныхъ противорѣчій, ей присущихъ, но и по ея неспособности дать то единство при объясненіи явленій, ради котораго она выставляется. Свѣтовой эѳиръ оказывается непригоднымъ для объясненія явленій тяготѣнія, для которыхъ необходимо поэтому предположить эѳиръ съ особыми свойствами; въ свою очередь ни

тотъ, ни другой не объясняютъ электромагнитныхъ явленій, хотя опытъ, повидимому, и указываетъ на электромагнитныя свойства свѣта, и потому физика вынуждена предположить еще третій электромагнитный эѳиръ.

Физическая атомистика страдаетъ, поэтому, тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, какъ и химическая,—она переноситъ на атомы тѣ свойства явленій, которыя должны быть изъ атомовъ объяснены, то есть по существу не объясняетъ ничего. Это, впрочемъ, общій недостатокъ всей вообще атомистики въ естествовѣдѣніи. Геологическій атомъ есть лишь безконечно малая частица данной почвы; кристаллографическій атомъ—безконечно малый кристаллъ, изъ котораго слагаются доступные нашему наблюденію кристаллы. И хотя опытъ подтверждаетъ происхожденіе кристалловъ изъ наращенія малыхъ, но говорить, въ объясненіе природы кристалловъ, что кристаллъ образуется изъ кристалловъ,—значитъ, очевидно, вовсе не объяснять этой природы. Единственное широкое основаніе, на которое опирается истолкованіе явленій, какъ совокупности однородныхъ атомовъ, состоитъ въ предполагаемой аналогіи между организованнымъ и неорганизованнымъ существомъ: какъ всякій организмъ состоитъ изъ клѣтокъ, такъ и всякое вообще вещество должно состоять изъ атомовъ. Аналогія эта ложная: организмъ есть совокупность не однородныхъ, а разнородныхъ элементовъ, и его принципъ не интеграція, а дифференціація однороднаго. Лишенный качествъ атомъ, какъ реальность, есть безсмыслица. Дѣйствительность свидѣтельствуетъ повсюду о разнородности элементовъ бытія, и истинный ея элементъ—не безкачественный атомъ, а полная качествъ особь или индивидъ.

Эта полная качествъ реальность не укладывается ни въ какія отвлеченныя формулы. Сколь бы послѣднія ни были совершенны, онѣ, чтобы выражать собою законы явленій, всегда нуждаются въ поддержкѣ воображенія, связывающаго, по указанію конкретной дѣйствительности, съ количественными опредѣленіями качественныя, для которыхъ первыя служатъ лишь символами, и притомъ нуждаются столь сильно, что даже въ математическомъ анализѣ абстрактный элементъ опредѣляется наглядным. Дифференціалъ, несомнѣнно, получаетъ смыслъ лишь изъ уравненія, выражающаго извѣстную кривую; но фактически не уравненіе обусловливаетъ кривую, а, наоборотъ, кривая обусловливаетъ уравненіе и налагаетъ на дифференціалъ свои свойства, такъ что элементъ параболы всегда парабола, элементъ

круга всегда кругъ. Точно также и въ механикѣ безконечно малая масса данной среды есть всегда вполнѣ законченная механическая система, опредѣленное и какъ бы организованное цѣлое, своего рода микрокосмъ, объединяющій всѣ существенныя черты, которыя онъ долженъ пояснить. Наглядным доказательствомъ этого можетъ служить хотя бы то, что даже для самыхъ крайнихъ кинематическихъ гипотезъ невозможно освободить молекулы эѳира отъ тѣхъ атмосферъ притяженія и отталкиванія, которыя составляютъ скандалъ атомистики.

Какъ безъ отвлеченной мысли, такъ и безъ воображенія нельзя ступить въ наукѣ ни шагу. Безъ него могла ли бы, напримѣръ, свѣтовая волна оставаться лучомъ и уравненіе сферической поверхности выражать въ оптикѣ сферу съ прогрессивно возрастающими радіусами, а не простой неподвижный геометрическій шаръ? Безъ него кто бы могъ насъ уполномочить, для объясненія прямолинейнаго распространенія свѣта, предполагать въ безконечно маломъ вмѣстѣ съ закономъ интерференціи уничтоженіе дѣйствія элементарныхъ волнъ? Ясно, поэтому, что помимо своего абстрактнаго значенія, всякое физическое уравненіе, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его термины, получаютъ лишь тотъ смыслъ, который мы ему придаемъ; и если несомнѣнно, что преобразованіе уравненій ведетъ къ полезному и ясному развитію законовъ опыта, то все же уравненія даютъ намъ лишь то, что мы въ нихъ вкладываемъ. Но какъ скоро атомъ есть лишь соединеніе динамическихъ свойствъ, выведенныхъ изъ уравненія, можно ли удивляться, что всѣ построенія, на немъ возводимыя, насъ прямо приводятъ къ реальности, и можно ли не видѣть, что въ него заранѣе вложены всѣ тѣ синтезы, которые изъ него должны быть выведены?

Несостоятельность атома, какъ конститутивнаго принципа, кроется въ томъ, что атомъ есть субстанція, а субстанція при истолкованіи дѣйствительности безплодна. Вопреки существующему мнѣнію, субстанція не можетъ служить ни принципомъ тожества, ни принципомъ закономѣрности вещей. Если бы существовали одна или нѣсколько тожественныхъ себѣ субстанцій (а таковы неизмѣняемыя субстанціи), то никакого разнообразія состояній не существовало бы, и вопросъ о тожествѣ вещей самихъ съ собою былъ бы безсмысленнымъ; съ другой стороны, какъ существо, зависящее только отъ себя и само себя опредѣляющее, субстанція должна была бы скорѣе служить принципомъ произвола, а не закономѣрности, и еслибы было много субстанцій (что необходимо для объясненій множества вещей), то порядокъ

и гармонію между ними могло бы установить только высшее имъ существо. Поэтому ученіе о бытіи, какъ о множествѣ субстанцій, всегда вынуждено предполагать бытіе надъ бытіемъ и допускаетъ ту же ошибку, какую ставилъ въ укоръ Аристотель Платону,—два раза полагаетъ то, что должно быть объяснено.

Истинный объектъ знанія—не субстанціи, а явленія. Послѣднія суть дѣйствіе на насъ вещей по себѣ. Это дѣйствіе сказывается въ ощущеніи, въ которомъ субъективно открывается объективная реальность. Признать въ ощущеніи такое откровеніе мы вынуждены потому, что тогда какъ все, создаваемое нашимъ духомъ, сознается нами ясно и раздѣльно, ощущеніе составляетъ неясный и нераздѣльный элементъ сознанія, не выражаемый никакими отвлеченными отношеніями и категоріями. Объективный, то-есть всеобщій и необходимый, характеръ являемой въ ощущеніи реальности доказывается тѣмъ, что безъ ощущенія наши понятія были бы лишены содержанія, не были бы, слѣдовательно, возможны сужденія, а потому—знаніе и наука. О природѣ этой реальности мы можемъ заключить изъ свойствъ основныхъ формъ нашего чувственнаго воспріятія—пространства и времени. Пространство есть принципъ безконечнаго множества и возможности принимать всякія опредѣленія (фигуры); время есть принципъ смѣны состояній или подвижности. Соотвѣтствующая этимъ формамъ реальность должна совмѣщать въ себѣ множество и подвижность. Этому требованію удовлетворяютъ понятія происхожденія или бываніе. Реальность есть, такимъ образомъ, множество вѣчно измѣняющихся индивидуальныхъ состояній: индивидуальныхъ—поскольку множество состоитъ изъ отличныхъ другъ отъ друга вещей, состояній—поскольку вещи, въ противоположность субстанціямъ, измѣнчивы. Пространство и время, въ которыхъ мы познаемъ вещи, не суть ихъ вмѣстилища, для нихъ уготованныя и раньше ихъ существующія; пространство служитъ лишь субъективнымъ выраженіемъ того, что объективно существуетъ множество, а время есть субъективное выраженіе длительности вещей, высшій законъ которыхъ—пребываніе въ измѣненіи. Каждый моментъ вещь есть та же самая и другая, такъ какъ она есть измѣняющійся индивидъ, суммирующій въ данномъ состояніи всѣ прошлыя и намѣчающій всѣ послѣдующія, а потому и выражающій всякимъ своимъ состояніемъ всю свою реальность.

„Такимъ образомъ, не дѣлая изъ пространства и времени субстанцій и какъ бы вещей, предшествующихъ вещамъ, и даже не при-

писывая тѣмъ опредѣленіямъ, которыя имъ свойственны и которыя они получаютъ отъ чувственной интуиціи, какого-либо иного, помимо чисто субъективнаго, значенія, мы въ нихъ тѣмъ не менѣе находимъ, если только они выражаютъ возможность реальныхъ отношеній между вещами и нами, доказательство того, что въ мірѣ нѣтъ ничего, что бы не прогрессировало и не видоизмѣнялось, ничего, что бы оставалось неподвижнымъ въ застоѣ, тожественномъ смерти,—словомъ, ничего, что бы пребывало въ смыслѣ неподвижности и неизмѣняемости. Напротивъ, то измѣненіе, предчувствовать которое намъ даетъ взятое само въ себѣ пространство со своими чувственными фигурами и еще болѣе съ идеальными геометрическими фигурами, оно провозглашается длительностью не только какъ законъ сознанія, но также и какъ законъ тѣхъ существующихъ вещей, которыхъ безконечное множество внѣ насъ раскрывается сложностью нашихъ чувственныхъ состояній. Такимъ образомъ міръ населенъ неисчислимыми единицами, которыхъ различіе служитъ реальнымъ основаніемъ протяженныхъ данныхъ представленія, но единицами живыми, которыя измѣняются и длятся и проектируются своею жизнью въ потокѣ времени. И тогда какъ измѣнчивыя опредѣленія вещей ежемгновенно завершаются непрестанно видоизмѣняемыми фигурами, прошлое всею своею цѣлостью исчезаетъ въ настоящемъ и въ немъ содержится, перестаетъ быть, хотя и служитъ началомъ и основаніемъ того, что продолжаетъ существовать,—словомъ, существуетъ лишь поскольку собирается, сосредоточивается и поглощается въ настоящемъ состояніи, которое для него служитъ вмѣстѣ завершеніемъ и предѣломъ. И такъ, нѣтъ бытія, котораго странное существованіе, вопреки всѣмъ законамъ представленія, могло бы намъ являться какъ бы еще заложенное въ прошедшемъ, болѣе не существующемъ, или же уже продолжающееся въ безконечное будущее,—словомъ, какъ возвышающееся надъ измѣненіемъ...; нѣтъ бытія надъ бытіемъ, нѣтъ ядра коснаго, неподвижнаго и безжизненнаго, которое бы живое и подвижное вынуждено было тащить, словно собственный трупъ, вѣчно на буксирѣ; но повсюду, наоборотъ, какъ показалъ въ концѣ концовъ Лейбницъ, конкретное существованіе индивидуальныхъ существъ въ ихъ настоящемъ состояніи; повсюду, въ ихъ реальномъ переходѣ отъ прошедшаго, которымъ они полны, къ будущему, которое они подготовляютъ, измѣненіе и дѣйствіе; повсюду видоизмѣненіе бытія, которое не есть субстанція въ истинномъ значеніи

этого слова, такъ какъ представляетъ собою, по слову Лейбница, видоизмѣняемое бытіе, но скорѣе—состояніе и бываніе".

Каждое внѣшнее явленіе сознается нами въ количественныхъ и качественныхъ опредѣленіяхъ. Изученіе первыхъ—дѣло математики; истолкованіе вторыхъ—предметъ метафизики. Метафизика ставитъ своей главной задачей постигнуть тотъ верховный законъ дѣйствительности, необходимые постулаты котораго суть вмѣстѣ и необходимыя предположенія реальности. Этотъ верховный законъ есть законъ причинности, такъ какъ вся реальность вещи обнаруживается въ ея данномъ состояніи, а данное состояніе всегда обусловлено совокупностью тѣхъ условій, которыя называются причиной. На причинную зависимость обыкновенно смотрятъ какъ на простой „однолинейный" рядъ, въ которомъ причина отдѣлена отъ слѣдствія промежуткомъ времени и настолько опредѣляетъ собою слѣдствіе, что послѣднее всѣмъ своимъ существомъ есть отвѣтъ на то, чего требуетъ причина. На дѣлѣ всякое явленіе всегда обусловлено множествомъ другихъ, такъ что чѣмъ дальше въ прошедшемъ станемъ мы слѣдить причинную связь, тѣмъ сложнѣе становятся ряды. Неправильно и то, будто причина отдѣлена по времени отъ слѣдствія, такъ какъ фактически явленіе всегда существуетъ, лишь поскольку сосуществуютъ съ нимъ опредѣляющія его условія, а безъ этихъ условій существовать не можетъ. Наконецъ, еслибы слѣдствіе всецѣло отвѣчало причинѣ, то оно этимъ отвѣтомъ исчерпывало бы свое существо и не могло бы, поэтому, само быть причиной и продолжать причинный рядъ; воображать же, будто обусловленное находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, значитъ забывать, что оно всѣмъ своимъ существомъ отвѣчаетъ условіямъ, предшествующимъ измѣненію, а отвѣчать имъ такъ оно можетъ лишь въ томъ случаѣ, если для себя не оставляетъ въ запасѣ никакого условія, котораго исполненія оно могло бы требовать. Причинная связь возможна лишь при предположеніи множества взаимодѣйствующихъ самодѣятельныхъ существъ. Множество существъ соотвѣтствуетъ множеству условій, составляющихъ причину; взаимодѣйствіе предполагаетъ сосуществованіе причины и слѣдствія; самодѣятельность необходима для того, чтобы дѣйствіе, которымъ существо отвѣчаетъ на дѣйствіе другого, не исчерпывало природы существа, но лишь служило поводомъ къ обнаруженію самостоятельной дѣятельности существъ, безъ которой причинная зависимость не могла бы быть непрерывной.

Каждое существо есть монада, но монада не замкнутая для міра, какъ училъ Лейбницъ, а для него открытая. „Давать себѣ не только единство сознанія или состоянія, но и подлежащее синтезу разнообразіе, значитъ не только опредѣлять въ себѣ состояніе, которое мы дѣлаемъ своимъ, опредѣляя его, но и создавать для себя цѣлый міръ, адэкватный субъекту, творящему его своею мыслью. И въ этой пыли безконечныхъ міровъ, міровъ столь же многочисленныхъ, какъ индивиды, разсыпается единый реальный міръ, тотъ, съ которымъ мы чувствуемъ себя солидарными, такъ что съ этимъ повтореніемъ безконечныхъ міровъ то же, что съ извѣстными символами въ механикѣ: безконечная скорость равнозначительна покою, безконечность міровъ, неспособныхъ, вопреки всему, составить міра, равнозначительна ничтожеству". Взаимодѣйствіе между существами состоитъ не во внѣшнемъ проникновеніи одного въ другое, но въ ощущеніи или перцепціи. Въ ощущеніи, однако, воспринимается не координированный матеріалъ, а лишь неопредѣленное разнообразіе, которое формируется монадами по имманентнымъ имъ чисто формальнымъ законамъ. Только при предположеніи нашего „я мыслю" безусловно формальнымъ становится понятнымъ его гибкость давать чувственному матеріалу всевозможныя опредѣленія. Эта гибкость въ свою очередь предполагаетъ дѣятельное господство надъ матеріаломъ, а это значитъ, что каждая монада по существу есть дѣятельность или энергія. Энергія, какъ фактъ изначальный, предшествуетъ всѣмъ другимъ фактамъ и ихъ опредѣляетъ; ея проявленіе не только не обусловливается, вопреки господствующему мнѣнію, пространственными отношеніями, а, наоборотъ—ихъ обусловливаетъ. Такъ какъ всѣ монады взаимодѣйствуютъ, то онѣ солидарны, и самодѣятельность и солидарность есть верховный принципъ сущаго.

Но если природа сущаго состоитъ въ дѣятельности и потому измѣняемости, то почему пріобрѣтаетъ господствующее значеніе атомистика? Причина въ томъ, что верховный законъ сущаго, время (субъективный коррелатъ объективной измѣняемости), не можетъ быть нами представляемо иначе, какъ въ формахъ пространства, которое именно по этой своей способности—наглядно изображать опредѣленія времени—и есть форма нашего общенія съ внѣшнимъ міромъ, вѣчно бывающимъ или происходящимъ. Символомъ явленій служатъ геометрическія фигуры, которыхъ построеніе, какъ выяснилъ Кантъ, предполагаетъ вмѣстѣ и непрерывность движенія (такъ какъ ни одна ли-

нія и, слѣдовательно, ни одинъ элементъ фигуры не можетъ быть начерченъ безъ движенія), и опредѣленіе пространства категоріей количества, обусловливающее ихъ внутреннюю закономѣрность. Фигура такимъ образомъ выражаетъ собою закономѣрное движеніе—основной принципъ механики, которая, какъ мы уже знаемъ, въ своемъ теоретическомъ значеніи создана нашею потребностью истолковывать реальность въ абстрактныхъ терминахъ духа и, какъ истолкованіе реальности, необходимо предполагаетъ атомистику. Какъ опирающееся на свойства нашего духа, господство механическаго міропониманія вполнѣ законно; но это міропониманіе имѣетъ лишь методологическое значеніе, а какъ объясненіе явленій по ихъ существу—недостаточно. Всякое наше геометрическое (а, слѣдовательно, и механическое) построеніе, несомнѣнно, отражаетъ реальныя отношенія, такъ какъ безъ соотвѣтствія реальности пространство и время были бы нелѣпостью, и мы необходимо должны предположить, что хотя мы сами своею самодѣятельностью опредѣляемъ въ пространствѣ и времени отношенія между явленіями, тѣмъ не менѣе самыя эти опредѣленія вызваны дѣйствіемъ на насъ вещей по себѣ, которыхъ существованіе, какъ мы уже знаемъ, засвидѣтельствовано фактомъ ощущенія и безъ которыхъ наше знаніе имѣло бы призрачный характеръ. Однако же механика выражаетъ только формальную сторону явленій; сторона же качественная, составляющая самую ихъ сущность, для нея непостижима. Въ стремленіи истолковать природу механически сказывается стремленіе постигнуть дѣйствительность изъ простѣйшихъ и наглядныхъ элементовъ, и понятіе атома служитъ для насъ руководительною нитью при отысканіи того предѣла, дальше котораго мы въ своемъ регрессѣ отъ сложнаго къ простому идти не можемъ. Этотъ предѣлъ есть идея духа, которой не соотвѣтствуетъ и не можетъ соотвѣтствовать никакая реальность, всегда сложная и никогда не простая.

„Опредѣленный, но всегда сложный элементъ, обозначаемый именемъ атома, есть лишь какъ бы полагаемый въ ожиданіи цѣлаго зданія камень и остается въ обладаніи той структуры, которая ему даетъ вмѣстѣ съ наименьшимъ протяженія въ пространствѣ наименьшее динамическихъ аттрибутовъ. И тогда какъ догматическій атомизмъ видитъ въ немъ абсолютное, встрѣчаемое въ извѣстномъ пунктѣ пространства, реальный индивидъ, лишенный именно вслѣдствіе этого всякой дѣятельности и всякаго качества,—все, что должно въ немъ видѣть—это работу духа, преслѣдующаго въ пространствѣ безконеч-

ную редукцію и организацію фигурныхъ величинъ, тѣхъ чистыхъ видимостей, которыя суть явленія, но которыя, по самой природѣ пространства, суть, говоря словами Лейбница, хорошо обоснованныя видимости".

Наука, строящая свое зданіе на атомистикѣ, не даетъ полноты знанія и „есть лишь половина работы духа: она вводитъ въ бытіе вмѣстѣ съ числомъ статическія опредѣленія, дозволяющія намъ постигнуть бытіе въ его покоѣ, въ его необходимости; но, чтобы возвыситься до дѣятельности, самой сущности бытія, и до самодѣятельности, этого послѣдняго основанія необходимости, чтобы найти, однимъ словомъ, динамическія опредѣленія бытія, дѣйствующаго и измѣняющагося,—духъ долженъ требовать отъ причинности завершить дѣло количества. И въ концѣ атомъ, это математическое понятіе, имѣющее въ пространствѣ и времени лишь относительное существованіе, насъ долженъ повести выше пространства и времени къ единству бытія, которое вѣчно себя созидаетъ и завершаетъ, проектируя въ длительность тѣнь своей опредѣляющей и творческой дѣятельности и въ пространство—тѣнь осуществленныхъ результатовъ, фиксированныхъ, прошедшихъ и какъ бы уже мертвыхъ. Такимъ образомъ исчезаетъ протяженность и вмѣстѣ съ ней атомъ, по мѣрѣ того, какъ мы возвышаемся къ истиннымъ дѣятельностямъ и единствамъ, которыхъ они суть лишь отраженіе,—къ монадамъ и духамъ".

Нами изложены по возможности кратко главнѣйшія положенія книги. Подробный ея анализъ не уступилъ бы по объему самой книгѣ: настолько она, при чрезвычайной сжатости, содержательна. Хотя она выступаетъ въ скромномъ обликѣ докторской диссертаціи, которыя за границей, какъ извѣстно, носятъ, въ сравненіи съ нашими, по большей части характеръ узкихъ монографій,—она, безспорно, одно изъ выдающихся произведеній философской мысли за послѣднее время. Все обличаетъ въ авторѣ крупную философскую величину: и глубина, самостоятельность и сосредоточенность мысли, и обширная эрудиція, и чуткость къ запросамъ времени. Въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ, что построеніе философскаго міровоззрѣнія, согласнаго съ принципами естествовѣдѣнія, есть высшій философскій идеалъ, и что, поэтому, на званіе философа можетъ съ полнымъ основаніемъ претендовать лишь тотъ, кто знаніе философской литературы соединяетъ съ основательнымъ знаніемъ принциповъ естествовѣдѣнія. Но обыкновенно либо за обсужденіе этихъ

принциповъ берутся философы, съ ними недостаточно знакомые, либо на ихъ почвѣ строятъ спекуляціи естествовѣды, мало знакомые съ философіей. Авторъ одинаково свѣдущъ и въ естествовѣдѣніи, и въ философіи, и его трудъ по общему духу можетъ служить образцомъ того, каковы въ настоящее время должны быть философскіе труды. Тѣмъ не менѣе, книга не безъ крупныхъ недостатковъ. Нѣкоторыя положенія, притомъ важнѣйшія, наприм., о субстанціи, о причинной связи, о солидарности существъ и др., не вполнѣ обоснованы, а ученіе о субстанціи даже прямо несостоятельно. Говорить, что сущее есть не субстанція, а индивидуальное состояніе, значитъ забывать, что состояніе безъ субстанціи не имѣетъ смысла и что поэтому самое опредѣленіе сущаго только какъ состоянія, безъ отношенія къ субстанціи, нелѣпо. Къ этимъ внутреннимъ недостаткамъ присоединяются внѣшніе. Книга написана темнымъ и дурнымъ языкомъ, напоминающимъ самый тяжелый французскій переводъ съ самаго неуклюжаго нѣмецкаго текста, такъ что въ иныхъ мѣстахъ темнота граничитъ даже съ безсмыслицей. Но сколь ни крупны эти недостатки, они значительно перевѣшиваются достоинствами. Нельзя, поэтому, не рекомендовать, притомъ настоятельно, изученія этой книги всѣмъ, интересующимся философіей, хотя и слѣдуетъ предупредить, что такое изученіе потребуетъ сосредоточеннаго труда, въ особенности отъ лицъ, мало знакомыхъ съ началами математическаго анализа и современной химіи.

Если только что разсмотрѣнные два труда интересны какъ попытки философовъ создать философское міропониманіе на научной почвѣ, то труды Рейнке и Вагнера обращаютъ на себя вниманіе, какъ такія же попытки со стороны представителей науки.

Рейнке заявляетъ себя горячимъ противникомъ ученія Канта и ученія матеріалистовъ.

Ученіе Канта объ апріорности пространства и времени, какъ субъективныхъ формъ нашего ума, для которыхъ мы не въ правѣ утверждать соотвѣтствія въ мірѣ вещей по себѣ, на взглядъ Рейнке, не только бездоказательно, но и нелѣпо.

Ученіе это (говоритъ онъ) основано на слѣдующемъ разсужденіи: такъ какъ мы можемъ отмыслить все, но не можемъ отмыслить пространства и времени, то поэтому они принадлежатъ исключительно человѣческому уму и не существуютъ независимо отъ него.

Доводъ этотъ „въ его логическомъ отношеніи“ кажется Рейнке „гораздо большимъ *salto mortale*, чѣмъ знаменитое *cogito ergo sum* Декарта. Прежде всего нужно было бы доказать, что все, чего я не могу отмыслить, можетъ принадлежать только моему уму, но не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежать и внѣшнему міру. Такого доказательства не существуетъ. Нельзя доказать и противнаго—что все, что я могу отмыслить, имѣетъ объективную реальность“.

Пространство и время „внушены объективной дѣйствительностью и выражаютъ объективныя свойства вещей. Быть можетъ, представленія о нихъ у насъ существуютъ и раньше опыта, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ у насъ есть зубы раньше кусанія, глаза раньше зрѣнія, мозгъ раньше мысли“.

Въ такомъ же духѣ опровергаетъ Рейнке и ученіе Канта о субъективности нашихъ понятій причины и цѣли.

Подъ причиной слѣдуетъ подразумѣвать совокупность реальныхъ условій, производящихъ извѣстное явленіе. Но одной причинности для пониманія мірового строя недостаточно. Необходимо признать объективную цѣлесообразность. Безъ нея нельзя объяснить происхожденія и существованія организмовъ. Въ нихъ обнаруживается цѣлесообразно дѣйствующая сила, образующая ихъ по опредѣленному плану. Силу эту Рейнке называетъ доминантой. Она есть совершенно особаго вида энергія, не сводимая къ другимъ видамъ. „Если бы мы пожелали опредѣлить освободившуюся энергію при сожженіи 50,000 сѣмянъ табака, то нашли бы, что можно было бы съ одинаковымъ результатомъ сжечь соотвѣтственнаго вѣса и состава искусственную смѣсь изъ бѣлка, углеводорода и жира; точно такъ же, какъ теплота горѣнія экземпляра Иліады не больше, чѣмъ теплота горѣнія равнаго количества бумаги“.

Природу организмовъ мы должны объяснять по образцу человѣческихъ произведеній. Въ каждомъ нашемъ произведеніи обнаруживается имманентный и транссцендентный разумъ. Первый, разумъ внутренній произведенія, сказывается въ его цѣли и планѣ; второй, произведенію внѣшній, есть нашъ разумъ, обусловливающій цѣль и планъ произведенія. То же и въ организмахъ. Имманентный имъ разумъ есть живущій въ нихъ принципъ, ихъ формирующій и зиждущій; транссцендентный разумъ есть источникъ этого формирующаго и зиждущаго принципа. Этотъ транссцендентный разумъ есть космическій разумъ.

Хотя признать такой разумъ безусловно необходимо для объясненія органической природы, однако лишь немногіе естествовѣды его принимаютъ, а большинство отрицаютъ.

Говорятъ, что такой разумъ не постижимъ, а между тѣмъ постижимость природы есть необходимое предположеніе естествовѣдѣнія, такъ что признать въ естествовѣдѣніи непостижимое значитъ рушить естествовѣдѣніе.

Но понимаемъ ли мы тяготѣніе, сцѣпленіе, химическое сродство, дѣйствіе воли на мускулы, наше мышленіе, нашъ разумъ?

Другіе указываютъ на то, что космическій разумъ не долженъ быть принимаемъ естествовѣдѣніемъ какъ сверхъестественный.

Что однако обозначаетъ это слово „сверхъестественный“? Сверхъестественнымъ называется существо, способное управлять силами природы, подчинять ихъ своей волѣ. Но это дѣлаетъ человѣческій разумъ, когда строитъ желѣзныя дороги и воздушные шары, производитъ телефоны, музыкальные инструменты, микроскопы и пушки. И однако же человѣческій разумъ признается естественнымъ, а не сверхъестественнымъ.

Иные ставятъ на видъ, что если бы вселенной управлялъ разумъ, то въ ней возможенъ былъ бы произволъ, не было бы никакой закономѣрности, а потому не возможна была бы и наука.

Но почему должны мы предполагать произвольность въ дѣйствіяхъ космическаго разума? Подобно тому, какъ нисколько не нарушали законовъ природы при построеніи своихъ аппаратовъ Уаттъ и Эдиссонъ, точно также не нарушалъ ихъ и космическій разумъ, когда призвалъ растенія и животныя къ жизни. Онъ не только дѣйствуетъ строго въ границахъ причинности, онъ самъ есть высшая причинность.

Нѣкоторымъ кажется, что привлекать міровой разумъ для объясненія міра излишне, такъ какъ все происходитъ по естественнымъ причинамъ.

Разсуждая такъ, забываютъ, что естественныя силы сами по себѣ слѣпы и могутъ дѣйствовать цѣлесообразно и планомѣрно лишь по руководству разумнаго начала, то есть именно мірового разума.

Многіе считаютъ сильнымъ доводомъ противъ вселеннаго разума то, что мы не знаемъ, гдѣ, когда и какъ онъ вступается въ міровую жизнь.

Но развѣ разрѣшены уже всѣ загадки, предлагаемыя природой? Да и разрѣшимы ли онѣ? Знаемъ ли мы, напримѣръ, какъ дѣйствуетъ тяготѣніе, воля на мускулы, мысль на матерію?

Остальныя возраженія авторъ считаетъ столь безсмысленными, что не находитъ нужнымъ на нихъ отвѣчать.

Главную причину нежеланія признавать міровой разумъ онъ усматриваетъ въ человѣческомъ самомнѣніи, полагающемъ для себя унизительнымъ допускать существованіе разума, высшаго чѣмъ человѣческій.

Неотразимое доказательство бытія мірового разума авторъ видитъ въ фактѣ жизни.

Онъ горячо ратуетъ противъ ученія о самозарожденіи. Такого зарожденія не могло быть въ отдаленную эпоху, когда земля не вполнѣ еще образовалась, то есть не достаточно остыла, такъ какъ влажная бѣлковина, изъ которой состоятъ клѣтки, не выноситъ температуры выше 100° С: оно не наблюдается и теперь и не можетъ быть доказано никакими химическими синтезами: изготовить искусственный бѣлокъ, быть можетъ, химіи и удастся, но отъ бѣлка до живой клѣтки—цѣлая пропасть.

Невозможно предположить самозарожденія и вслѣдствіе случайнаго благопріятнаго, но намъ неизвѣстнаго, сочетанія атомовъ: опытъ нигдѣ не удостовѣряетъ случайнаго возникновенія жизни, а по теоріи вѣроятности вѣроятность случайнаго соединенія атомовъ въ какой нибудь организмъ (хотя бы мертвый) настолько ничтожна, что не можетъ быть принята въ разсчетъ. Истолчемъ карманные часы въ порошокъ. Велика ли вѣроятность, что изъ этого порошка случайно вновь образуются часы? Составимъ изъ подвижныхъ буквъ стихотвореніе и затѣмъ разбросаемъ буквы: дождемся ли когда нибудь, что эти буквы вновь соединятся въ стихотвореніе? На дѣлѣ случайность не только не соотвѣтствуетъ возникновенію гармоническаго цѣлаго, каковы, напримѣръ, организмы: она обыкновенно бываетъ въ ущербъ стройности и порядку. Для цѣлесообразно построенныхъ организмовъ должна быть цѣлесообразно дѣйствующая причина—міровой разумъ.

Книга Рейнке очень цѣнна, какъ богатый сводъ различныхъ естественно историческихъ данныхъ и какъ вполнѣ убѣдительное доказательство безпомощности матеріалистическихъ притязаній. Нельзя также не сочувствовать точкѣ зрѣнія простого здраваго смысла, по-

ложенной въ ея основаніе. Но авторъ не всегда пользуется этой точкой зрѣнія осторожно и нерѣдко (въ особенности въ полемикѣ съ Кантомъ) допускаетъ наивности, свидѣтельствующія о его недостаточномъ пониманіи тѣхъ философскихъ вопросовъ, за рѣшеніе которыхъ онъ берется.

Подобно Рейнке, выступаетъ борцомъ противъ матеріализма и Вагнеръ. Основная мысль его книги подсказана ученіемъ Канта, что міръ есть наше представленіе, и ученіемъ Оствальда, что матерія, какъ самобытная реальность, есть вымыселъ, а единственной дѣйствительностью слѣдуетъ признать энергію.

Свои руководящія мысли онъ выражаетъ въ семи положеніяхъ.

1) Правильно, если естествовѣдѣніе исходитъ изъ принципа, что одинъ только опытъ можетъ и долженъ доставлять матеріалъ для знанія; но ложно, если оно разсматриваетъ правоспособнымъ и пригоднымъ для этого одинъ только внѣшній, чувственный опытъ. Такой взглядъ крайне одностороненъ.

2) Правильно, если естествовѣдѣніе усматриваетъ прогрессъ знанія въ возможно точномъ изслѣдованіи свойствъ матеріальнаго міра; но ложно, если оно считаетъ возможнымъ оставлять безъ вниманія субъективные факторы, содѣйствующіе образованію внѣшняго матеріальнаго міра. Такой взглядъ крайне одностороненъ.

3) Правильно, если естествовѣдѣніе принимаетъ матерію, какъ эмпирическую реальность; но ложно, если оно отстаиваетъ за ней реальное существованіе за предѣлами представленія, такъ какъ „вещество“ есть простое чувственное качество и „матерія“ сама по себѣ, безъ опредѣленныхъ свойствъ, простое понятіе. Поэтому падаетъ и ученіе объ атомахъ, которое можетъ имѣть значеніе лишь наглядной схемы. Но подобная схема не можетъ служить основаніемъ для научнаго познанія.

4) Правильно, если естествовѣдѣніе желаетъ свести всѣ спеціальныя силы природы къ чему либо простому; но ложно, если оно выставляетъ такимъ единствомъ какую нибудь опредѣленную и при томъ самую бѣдную содержаніемъ силу природы. Общее всѣмъ силамъ природы можетъ быть лишь метафизическимъ. Физически всѣ естественныя силы суть предѣльныя качества, къ которымъ можетъ быть сведено физическое объясненіе. Поэтому сами онѣ не объяснимы физи-

чески. И значитъ, нельзя сводить всѣ силы природы къ механическому притяженію и отталкиванію.

5) Ошибочно желать объяснить изъ однихъ только свойствъ матеріальнаго міра свойства и функціи психической жизни и при этомъ забывать, что знаніе этихъ свойствъ уже предполагаетъ субъективный психическій факторъ, которому они обязаны своимъ существованіемъ.

6) Поэтому также ложно думать, будто въ организмахъ не дѣйствуютъ никакія другія силы, отличныя отъ неодушевленной природы, и будто мы способны органическую жизнь объяснить изъ неорганической.

7) Вслѣдствіе того факта, что матеріальный міръ обусловленъ природой нашего ума, ложно пытаться познать сущность явленія изъ матеріальныхъ процессовъ и измѣненій и установлять здѣсь причинную связь; напротивъ, слѣдуетъ утверждать, что причинная связь матеріальныхъ процессовъ есть исключительно дѣло нашей познавательной способности и обоснована ея природой. Матеріальный міръ должно разсматривать какъ простой міръ явленій. Онъ есть форма, въ которой являются намъ вещи, и эта форма имѣетъ значеніе только для нашего ума. Существо вещей есть сила. Матеріальныя вещи суть только наши представленія, силы существуютъ самобытно. Онѣ не служатъ причиной нашихъ представленій; наши представленія и естественныя силы суть лишь два параллельныхъ ряда.

Неясность, сказывающаяся въ только что приведенномъ положеніи, проходитъ по всему міропониманію Вагнера.

Общему всей современной мысли противо-матеріалистическому направленію слѣдуетъ, не смотря на свою матеріалистическую видимость, и послѣдній изъ названныхъ въ заголовкѣ трудовъ: „Вѣчное, вездѣприсущее и всесовершенное вещество, единственное возможное основаніе всякаго бытія и существованія“.

Основная мысль этого труда та, что въ природѣ царитъ постепенность, исключающая всякія рѣзкія грани. Ихъ нѣтъ между органическимъ и неорганическимъ, живымъ и мертвымъ, разумнымъ и неразумнымъ. Точнѣе сказать, въ природѣ нѣтъ ничего мертваго, неорганическаго, неразумнаго. Въ ней повсюду жизнь; міръ есть живой разумный организмъ, проникнутый одной мыслью. Только вслѣд-

ствіе такого всеединства возможна связь между вещами, взаимодѣйствіе между духомъ и тѣломъ, познаніе. Основные элементы матеріи или атомы авторъ разсматриваетъ, точно также въ духѣ текущей современности, какъ индивидуумы или личности.

Книга переполнена разнообразными свѣдѣніями по естествовѣдѣнію и цитатами изъ ученыхъ и философовъ. Для мало знакомыхъ съ естествовѣдѣніемъ и философіей изъ нея можно почерпнуть очень много.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ